

БОРИС МЕЖУЕВ

Американский фундаментализм и русская «консервативная революция»

Одна из наиболее популярных форм оправдания военной акции в Ираке в среде российских консерваторов – ссылка на христианские убеждения президента Дж. Буша и его окружения. Как сказала известная социолог и этнолог Светлана Смирнова в одной из ее статей в газете «Спецназ России»¹, Америка «нынче исповедует своего рода христианский фундаментализм».

На этом фундаментализме и надломился российский консерватизм, абсолютно искренним и выдающимся представителем которого я считаю автора выше процитированных строк. Еще в прошлом году в нашем Отечестве обнаружилось довольно большое количество людей, преимущественно молодых, которые стали оживленно проповедовать идеи «консервативной революции». Оживлению интереса к этому течению способствовал выход в свет переводов его немецких теоретиков – Карла Шмитта, Эрнста и Фридриха Георга Юнгера. В прошлом году в издательстве «Праксис» появилась известная книга Освальда Шпенглера «Пруссачество и социализм» с большим послесловием Алексея Руткевича, посвященным не столько автору книги, сколько именно феномену консервативной революции. Немалую роль в популяризации этого движения сыграла литературная и общественная деятельность Александра Дугина, прямо объявившего себя продолжателем дела Эрнста Никиша и Артура Меллера фон ван дер Брука.

Консерватизм не столько в англо-саксонском, сколько в немецком изводе становился популярным в России, а фразы относительно необходимости выбора «друзей» и «врагов», «чрезвычайного положения» и «тотальной мобилизации» из лексикона, соответственно, Карла Шмитта и Эрнста Юнгера вошли в современный российский политический дискурс в качестве расхожих словесных штампов. После либерально-демократической паузы 1990-х возникла очевидная потребность не столько в опоре на традиционные ценности (нынешний российский консерватизм, как и консерватизм «консервативной революции» не стоит смешивать с традиционализмом), сколько в ясности и определенности в плане различения «союзников» и «противников». Именно довольно смутное сознание несовершенства современного мира, не актуализирующего, а камуфлирующего конфликты, элита которого

¹ Сильвио вскрыл нарыв // «Спецназ России», 2003, июль № 07 (82).

под сладкими и убаюкивающими сознание призывами к «толерантности» и «культуре мира» реализовывала свои корыстные интересы, и послужило толчком к созданию ряда специфических общественных проектов, наибольшую известность из которых приобрела газета «Консерватор», в которой в течение первой половины нынешнего года задавал тон авторский коллектив уже упоминавшейся газеты «Спецназ России». Выход до этих пор маргинального течения на поверхность общественной жизни обернулся довольно шумным скандалом, «но только песня не о нем».

Слабость «консервативной революции» как идейного течения моментально проявилась в ситуации иракского конфликта, когда российские консерваторы обнаружили в качестве лидеров современного мира не либеральных глобалистов в духе Альберта Гора и не строителей «открытого общества» типа Джорджа Сороса, а именно тех деятелей, коих они сами поспешили назвать «фундаменталистами» (мы еще поговорим о том, что это за «фундаментализм»). Дело в том, что мировоззрение в духе «консервативной революции» направлено не столько против метафизических «врагов», сколько против либерального кредо, в котором отсутствует политическая субъектность и мобилизационный пафос. Неудовлетворенность миром, в котором все исходит из неких абстрактных правовых норм и в котором нет места политическому субъекту, способному взять на себя ответственность за принятое решение — эта наиболее яркая черта «политической теологии» Карла Шмитта — нашла прекрасное выражение в сочинениях его последователей в России, таких как, например, постоянный обозреватель «Русского журнала» Михаил Ремизов, выпустивший в начале этого года очень характерную для описываемого умонастроения книжку «Опыт консервативной критики».

Парадокс заключался в том, что призывы в духе Юлиуса Эволы к революции против «el mondo moderno» оказываются довольно уязвимыми перед лицом любой силы, отвечающей предложенным «консервативной революцией» критериям. Силы, довольно внятно определяющей своего врага в лице, например, исламского терроризма, силы, апеллирующей не к отвлеченным и якобы универсальным, а ко вполне конкретным ценностям западной цивилизации. Наконец, силы, не стесняющейся, следуя советам Карла Шмитта, игнорируя абстрактные нормы международного права, устанавливать в мире что-то вроде чрезвычайного положения, демонстрируя тем самым, кто в глобальном сообществе — подлинный и единственный суверен.

Мне уже приходилось писать о том, что «консервативная революция» в версии европейских «новых правых» в результате может оказаться на руку мировой элите — откровенная апелляция к сословному разделению общества как атрибуту подлинного примордиального порядка идеально отвечает задачам созидания альтернативной либерализму идеологии для элит «мирового Севера». Но в данном случае речь шла не столько о принципиальной ущербности движения, сколько о его теоретической недостаточности — нравственный импульс был правильным, но недостаточно отрефлексированным самими философами, как его окрестили недруги, младоконсерватизма, соблазнившимися, на самом деле, легкими ответами на чрезвычайно сложные вопросы. (И в результате — наиболее значительный представитель этого течения Светлана Лурье оказалась в числе защитников Джорджа Буша, один из

постоянных авторов «Консерватора» Владимир Голышев призвал к объединению с христианской Америкой против развращенной сытостью и благополучием Европы, а талантливейший публицист и философ Константин Крылов считал наиболее рациональной тактику Ивана Калиты: вначале подчиниться гегемону, чтобы потом вцепиться в него зубами, не замечая, что Орда — это редкий пример империи, которая не удаляла раз и навсегда своим вассалам зубы). А основной вопрос, поставленный иракскими событиями перед людьми, мыслящими себя сторонниками того комплекса идей, который можно было бы условно назвать «русским консерватизмом», заключается в том, во имя каких религиозных или же культурных ценностей следует защищать национальную свободу в ситуации появления претендента на роль мировой империи. И, прежде чем умиляться «христианскому фундаментализму» этого претендента, нужно разобраться в существе его воззрений, благо некоторую предварительную основу для этого предоставляют имеющиеся в избытке (как-то подозрительном, надо сказать, избытке) материалы о воззрениях американского протестантского фундаментализма на историю и ее конец.

«Христианский сионизм» «морального большинства»

В прошлом году, в преддверии начала активной пропагандистской кампании в поддержку иракской войны у многих американцев сложилось мнение о том, что большое влияние на внешнюю политику США начинает оказывать религия.

Еще со времен Рональда Рейгана было известно, что поддержка Америкой Израиля в ближневосточном конфликте объясняется не только прагматическими соображениями и даже не только влиянием так называемого еврейского лобби, активно действующего как в Конгрессе, так и в президентской администрации. Ориентация на союз с Израилем не была бы столь сильна в США, если бы ее не поддержали представители белого протестантского большинства.

Лидеры этого большинства, евангелические телепроповедники Джерри Фолвел и Пэт Робертсон, участники президентских кампаний от правого крыла Республиканской партии, — люди крайне консервативных взглядов — являются, тем не менее, наиболее преданными соратниками правых израильских политиков в их борьбе за воссоздание государства Израиль в тех границах, в каких он существовал в эпоху библейских царей Давида и Соломона. Эти люди не только помогают лоббировать интересы Израиля в Америке, но и организуют финансирование правых израильских партий, стремящихся сохранить еврейские поселения на Западном берегу и секторе Газа — территориях, оккупированных Израилем.

Чем же объясняется устойчивая поддержка американскими фундаменталистами, в особенности многомиллионной Южной баптистской конвенцией, политики Израиля? Менее всего, симпатией к евреям как гонимому народу и прочими соображениями морального характера. Значительная часть фундаменталистов убеждена, что евреи понесли в истории заслуженное наказание за отвержение Мессии. Однако, с их точки зрения, это ни в коем случае не означает, что обетование Господа Израилю, данное в Ветхом Завете, о владении Обетованной землей тем самым было нарушено, что

древний договор Бога с народом Израиля оказался разорван с наступлением Нового Завета и возникновением христианской церкви. Все, что сказано в книгах библейских пророков об Израиле, должно исполниться к концу времен. Поэтому, чтобы приблизить этот конец, а вместе с ним Второе Пришествие Христа, надо поспособствовать воссозданию израильского государства и его победе над противниками.

Такое учение в США нередко называют «христианским сионизмом». Его влияние на протестантский мир Америки сложно переоценить — именно «христианский сионизм» является самым мощным в идейном и организационном плане религиозным движением. С ним также теснейшим образом связано эсхатологическое учение, тайными или явными адептами которого являются все наиболее известные протестантские проповедники Америки — Билли Грэм, Джерри Фолвел, Пэт Робертсон, Хэл Линдсей и многие другие. Это учение называется диспенсациализм — от латинского слова «dispensatio» — «Божий промысел». Возникло оно два века назад в Британии. Его создатель Дж. Дэрби пришел к выводу о нетождественности Церкви и новозаветного Израиля: Бог в истории имеет двух разных проводников своей воли — Израиль и Церковь, и действует Он попеременно то с одним, то с другим. Важнейшей чертой диспенсациализма является буквальная, а не символическая интерпретация Священного Писания, поэтому все, что говорится в Библии, в том числе в Откровении Иоанна Богослова, об Израиле, следует относить именно к еврейскому народу, а не к христианской церкви конца времен. Эти идеи получили в начале XX столетия распространение в США благодаря его последователю Сайрису Скоуфильду, автору популярной Библии Скоуфильда, переведенной и прокомментированной в соответствии с учением Дэрби.

Согласно диспенсациалистам, речь в принципиально важной для их учения 9 главе Книги пророка Даниила речь идет исключительно об Израиле, а не о Церкви: *«И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя»* (Дан. 9, 27).

Все описанные в Откровении Иоанна Богослова события укладываются в семь лет — эта последняя седмина исторического существования Израиля, которая была отложена Богом после отвержения еврейским народом Христа до наступления последних времен. В лексиконе евангелических проповедников заключительный период человеческой истории получил наименование «tribulation» — «великая скорбь». В это страшное семилетие, особенно в его последнюю половину, когда, как предполагают диспенсациалисты, будет разорван договор Израиля с Антихристом, на погрязшее в грехах человечество будет излит гнев Господень: люди столкнутся с многочисленными природными катаклизмами, землетрясениями, кровопролитными войнами. Конец этому периоду принесет Второе Пришествие Христа вместе с праведниками на землю, после чего следует ожидать обращения оставшейся в живых части иудеев в христианство и тысячелетнего Царства святых.

Однако возникает закономерный вопрос, а зачем христианам надлежит стремиться к воссозданию Израиля, предвидя, что следствием этого события окажется мировая катастрофа? В ответе на этот вопрос и заключается

наиболее загадочный пункт диспенсациализма, по крайней мере, преобладающего в нем течения. Дело в том, что, когда наступит «страшное семилетие», истинных, «дважды рожденных», христиан на Земле не окажется. С наступлением последней седмины истории Израиля, приостановленной Первым Пришествием Христа, еще до начала ужасов и катастроф Церковь исчезнет с лица Земли, христиане вознесутся в воздух, где вместе с воскресшими из мертвых праведниками будут пребывать все семь последующих лет.

Этот пункт эсхатологического учения имеет текстуальное подтверждение, правда, уже не в Ветхом, а в Новом Завете, именно в Первом Послании апостола Павла Фессалоникийцам: *«Ибо сие говорим словом Господним, что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших. Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем»* (1 Фес. 4, 15–17).

Если придерживаться буквального прочтения Священного Писания и тем самым полагать в будущем наступление Тысячелетнего Царства, то приходится заключить, что описываемое апостолом событие должно расходиться по времени с так называемым Миллениумом. Поэтому весьма логично предположить вместе с большинством теологов-диспенсациалистов, что взятие христиан живыми на небо (rapture) произойдет до наступления того, что мы привыкли называть Апокалипсисом.

Учение диспенсациалистов заставляет совершенно другими глазами взглянуть на мирозерцание значительной части американцев. Очевидно, что немалая их часть заранее освободила себя от всякой ответственности за будущее планеты, хотя американские религиозные фундаменталисты настроены чрезвычайно агрессивно — по отношению к секулярной Европе, России, исламу, — они в отличие от «неоконсерваторов» весьма далеки от грез об американском владычестве над миром, об американской империи. О какой империи вообще может идти речь в ситуации приближающегося конца света, когда всей христианской Церкви (то есть евангелическим христианам — баптистам, методистам и пятидесятникам) надлежит в скором времени покинуть эту Землю? Многие протестантские толкователи Апокалипсиса предполагают, что начало «седьмой недели» окажется отмеченным возникновением «новой мировой империи», но править ею будет антихрист.

Наиболее вероятный кандидат на роль «империи антихриста» — Европейский Союз, органы власти которого представляют собой в зародыше «мировое правительство». Поэтому политика верных своим религиозному призванию Соединенных Штатов не может иметь с такой мировой империей ничего общего.

Доминионизм и американская «империя добра»

У Америки издавна очень сложные отношения с имперской идеей. Один из ключевых вопросов, вокруг которых выстраивается американская идентичность, — это вопрос о том быть или не быть США «новой мировой империей». Америка — изначально страна протестантов-колонистов. В Европе

XVI–XVII веков протестанты боролись преимущественно против империи, причем Римской империи. Даже двух империй – той, которую возглавлял Папа, и той, которой правили Габсбурги. Америка родилась как государство, как республика в борьбе против еще одной империи, центр которой находился на берегах туманного Альбиона. Поэтому принятие Америкой имперской миссии требует серьезной культурной трансформации, затрагивающей все стороны жизни ее граждан, в том числе религиозное сознание. Этот процесс начался сразу после окончания «холодной войны», и в последние два-три года он значительно увеличил свои темпы.

Если наиболее влиятельная эсхатологическая доктрина протестантского фундаментализма США – диспенсациализм – принципиально несовместима с любыми надеждами на благополучное устройство земных дел в некоем подобии мировой империи, а миссия великой христианской державы для приближения Второго Пришествия состоит в том, чтобы помочь воссозданию государства Израиль и его победе над многочисленными врагами – от советского коммунизма до исламского фундаментализма.

Диспенсациалист Хэл Линдсей, автор толкования Апокалипсиса «Конец великой планеты Земля», внес свою лепту в укрепление военного союза США и Израиля и в борьбу президента Рональда Рейгана с СССР как с «империей зла», в контексте которой применение ядерного оружия мыслилось чем-то само собой разумеющимся. Но диспенсациалистские теории и предсказания были совершенно бесполезны в деле воссоздания новой империи – «империи добра».

На политическую жизнь Соединенных Штатов увеличивает свое влияние идеология доминионизма, которая хорошо совместима с программой созидания «империи добра» и, соответственно, со строительством Нового Мирового Порядка. Не случайно многие лица в высшем эшелоне нынешней американской администрации, включая президента Джорджа Буша и генерального прокурора Джона Эшкрофта, тесно связаны с религиозными кругами, исповедующими именно эту доктрину.

Доминионизм – это общее имя для огромного множества религиозных доктрин и течений, его истоки проследить не так легко, они слишком разнообразны. В целом, учение доминионизма соответствует многим постулатам эсхатологической концепции римского католицизма, сформулированной в IV веке бл. Августином. Общий смысл ее в том, что Тысячелетнее Царство Христово не следует ожидать в будущем, ибо оно уже наступило. Его приход некоторые доминионисты вслед за Августином возводят к Пятидесятнице, а некоторые – к тайному пришествию Иисуса Христа в 70 году по Р.Х., в год разрушения Иерусалима. Отсюда второе наименование доминионизма – «Царство сейчас» (Kingdom Now).

Хотя Царство уже наступило по срокам, оно будет «воссоздаваться» руками самих людей – Земля должна быть отвоевана Церковью у Сатаны. Когда процесс «реконструкции» мира на христианских началах завершится, конец истории сойдется с его началом, миру будет придан первоначальный образ, и Христос вернется на очистившуюся от зла Землю.

Правда, у доминионистов нет никаких ясных критериев, по которым можно было бы судить о приближении или отдалении от нового Светлого Будущего, и остается непонятным — кто должен решать, считать то или иное явление «злом» или «добром». Разумеется, не Римский Папа, суждения которого для протестанта необязательны, и не Вселенский Собор. По всей вероятности, такой сакральной, сверхзначимой фигурой для позиции верующих может стать именно президент Соединенных Штатов.

Что касается нынешнего главы Белого дома, то на основе просачивающейся в печать информации можно сделать вывод, что Джордж Буш-младший испытал в конце 1980-х — начале 1990-х годов серьезное влияние религиозных проповедников-доминионистов.

Политический обозреватель Стивен Ширер (протестантский диспенсациалист левого толка, яркий представитель религиозного антиглобализма) указал на близость Буша религиозной организации «Promise Keepers» и одному из ее создателей — чернокожему проповеднику Тони Эвансу. Как утверждает Ширер, «Люди, выполняющие свои обещания» — популярнейшее движение, выступающее за восстановление мужского лидерства в семье, местном сообществе и государстве в целом, — является одним из наиболее значительных каналов влияния доминионизма на общественное мнение и политическую элиту Соединенных Штатов.

Одна из причин обращения Буша-сына к доминионизму, как можно судить по текстам Стивена Ширера, Александра Кокберна и других левых, — реакция на поражение его отца лидеру демократов Биллу Клинтону в кампании 1992 года. Тогда потускневших и морально обветшавших ветеранов «холодной войны» сменили «молодые, эффективные, грамотные» «проробы глобализации». Либерально-технократическому «маршу энтузиастов» Клинтона нужно было противопоставить что-то столь же оптимистическое. И именно новая имперская идеология США как в религиозной — доминионистской, так и в светской — неоконсервативной версиях наилучшим образом отвечала этой задаче. Американские правые таким образом смогли открыть для себя и для своей страны новое Светлое Будущее.

Гипотезы о религиозных воззрениях Дж. Буша — это лишь то, о чем говорит американская печать. Разумеется, нельзя быть уверенным в верности сведений о влиянии на главу Белого Дома той или иной религиозной доктрины. Однако высказанные идеи вовсе не маргинальные доктрины христианских сект в США, а вполне уважаемые учения, и составляющие эсхатологическую почву того, что можно назвать современным протестантским фундаментализмом. Конечно, политику США определяет вовсе не только религия, но и ее не стоит сбрасывать со счетов. События в Ираке именно в их идеальной, а не чисто экономической стороне представляли собой некоторое послание мировой элиты человечеству, в котором был наряду с иными и свой религиозный компонент — его надо было суметь прочесть и интерпретировать. Причем, возвращаясь к разговору о консерватизме, интерпретировать именно в консервативном ключе. Но чтобы сделать это, нужно было первоначально осуществить кардинальный пересмотр всего наследия «консервативной революция», чтобы, отделив в нем временное от вечного, далее искать новые пути развития доктрины.